

Секция «Теоретическо-методологические аспекты изучения стабильности и устойчивости современных политических систем»

Теория революций С. Хантингтона: модернизация через революцию

Научный руководитель – Кузнецов Игорь Иванович

Еремин Владислав Витальевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия

E-mail: ervlad98@mail.ru

«Революция — это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [1, с. 269] — так звучит определение революции С. Хантингтона. Ученый выделяет три фазы революции:

- быстрое и насильственное разрушение политических институтов старого порядка;
- мобилизация новых групп в политику;
- создание новых политических институтов.

В зависимости от очередности фаз, С. Хантингтон выделяет две революционных модели — западную (Русская, Французская) и восточную (Вьетнамская и поздние фазы Китайской революции). Главное отличие — в западной революции политическая мобилизация — следствие падения старого порядка, в восточной — причина его крушения. В западных революциях фазы четко разграничены, в восточных — они часто идут одновременно. Западные революции *«начинаются с внезапного осознания, что государства больше нет» [4, С.96].* В восточных революциях режим более прочен, стабилен и современен, поэтому сам он не умирает, его приходится свергать. Для восточных революций характерно «двоевластие» — существование двух центров силы, старых институтов правительства и новых институтов революционеров. В западных революциях власть сначала попадает в руки к умеренным революционерам, которые, однако, не могут решить проблему политической мобилизации — 1) им не хватает твердости остановить вхождение новых групп в политику и 2) радикализма, чтобы возглавить эти группы. Их сменяют контрреволюционеры, выполняющие первую функцию, или радикалами, которые осуществляют вторую: *«По мере развития революций умеренные, жирондисты и меньшевики проигрывают радикалам, якобинцам и большевикам» [2, С.471]* Борьба радикалов, умеренных и контрреволюционеров характерна только для западных революций. В восточных революциях умеренных значительно меньше, они примыкают либо к правительству, либо к революционерам, либо становятся жертвами; также не существует борьбы между революционными группами. В западных революциях революционеры сначала приходят к власти в столице, а потом постепенно начинают подчинять себе сельскую периферию, в восточных — они устанавливают контроль над локальной территорией, расширяют ее, а затем захватывают столицу. В западных революциях можно точно датировать падение старого режима, но невозможно датировать момент завершения революции. В восточных революциях «истоки революции оказываются затерянными где-то в зарослях джунглей и извилах горных троп», конец же очевиден — установление власти в столице. В восточных революциях самые кровавые столкновения происходят до захвата революционерами столицы, в западных — уже после крушения старого режима. В восточных революциях революционеры прибегают к террору чаще, когда они слабы и далеки от власти, в западных —

террор используют контрреволюционеры или радикалы на поздних стадиях. В западной революции пик эмиграции приходится на начало революционной борьбы, в восточной — на окончание. Западные предреволюционные режимы более традиционны — абсолютные монархии с базой в лице землевладельческой аристократии. Восточные режимы, отчасти, являются модернизированными — это местные правительства, которые возглавляет выходцы из новой городской элиты, или колониальные режимы, которые поддерживаются богатством и мощью метрополии.

С. Хантингтон отмечает, что революции — исторически ограниченный феномен, т.к. они характерны только для периодов модернизации. Основные причины революций лежат в политической сфере — отставание политической модернизации от социально-экономической. Политическая модернизация включает в себя распространение политического сознания на новые группы, их вовлечение в политику и политическое развитие — создание лучших политических институтов. Когда стремление новых групп участвовать в политике превышает возможности существующих институтов ассимилировать их в политическую систему, вероятность революции возрастает. Ученый не отрицает социально-экономических предпосылок революций — отмечая в качестве благоприятствующих периоды, когда экономический рост сменяется резким экономическим спадом. Великие революции происходили в традиционных монархиях, военных диктатурах и колониальных режимах. Однако, успешные революции пока не имели места в демократиях, так как режимы, которые инкорпорируют новые общественные группы и элиты, которые хотят участвовать в политической жизни, менее подвержены революциям. В демократиях уровень гражданского и правительственного насилия относительно низок; существуют легальные способы выражения несогласия; сменяются политические лидеры и элиты. Как отмечал С. Хантингтон: *«В демократиях перемены редко случаются внезапно, за одну ночь; почти всегда они происходят малозаметно и постепенно»* [3, С.39]. Низкую подверженность революциям ученый приписывает и коммунистическим диктатурам, объясняя это способностью партий поглощать новые общественные группы. Время показало, что прогноз относительно коммунистических диктатур не оправдался, насчет демократий — статус-кво сохраняется.

Для того, чтобы произошла революция, нужна «не одна революционная группа», а множество групп, отчужденных от существующего строя. Основным революционным классом в городе, центре оппозиции внутри страны, является средний класс (позже с ростом численности становится более консервативным). Интеллигенция — самая активная оппозиционная группа внутри среднего класса; студенты — это самые сплоченные и эффективные революционеры в составе интеллигенции. Студенты - яркие представители молодежи, которая олицетворяет протест и революции. Молодежью С. Хантингтон считает население в возрасте от 15 до 24 лет, порогом опасности революции — 20% долю указанной возрастной категории в общей численности населения. Ученый прогнозировал достижение 20% порога для всех стран Ближнего Востока (за исключением Саудовской Аравии) в 2010 году. Так совпало, что 2011 год стал годом «Арабской весны». Однако для революции помимо участия интеллигенции требуются революционные действия со стороны крестьянства. Если социальные изменения идут быстрыми темпами, что характерно для периода социально-экономической модернизации, то увеличивается возможность того, что период отчуждения от существующей системы у горожан и крестьян совпадет. Правительство, опирающееся на крестьян, к которому город оппозиционен, будет стабильнее, чем то, которое держится на изменчивых предпочтениях горожан. Справедливо правило: кто контролирует село, контролирует страну. Модернизация ухудшает условия труда и жизни крестьянина, разрушая общину и привычные устои и одновременно повышает уровень его притязаний. Крестьянину открывается доступ к образованию, радио, он узнает, что его положение хуже, чем у других людей, и это осознание делает его революционером. Вероят-

ность революции зависит от возможности совместных (или параллельных) действий образованного среднего класса и крестьянства. Редкость революций обусловлена трудностями, которые стоят на пути объединения усилий этих общественных классов: «*Они говорят на разных языках, часто в буквальном смысле*» [1, С.304]. Сознательные попытки интеллигенции сотворить революционное крестьянство обречены на провал. Необходимо общее дело и катализатор. Общим делом чаще всего является национализм, а катализатором — внешний враг — иностранное присутствие в стране перед крушением старого порядка или иностранная интервенция после крушения. Также катализатором для крестьян являются социально-экономические вопросы.

Революция может иметь три исхода — 1) восстановление традиционных структур власти, 2) установление военной диктатуры; 3) создание новых властных структур, которые отражают фундаментальные изменения в объеме и распределении власти. При третьем варианте происходит крушение старого порядка, политическая мобилизация новых участников в политику (принятие новых политических ценностей) и создание новых политических институтов. Так, революции несут в себе политическое развитие — создание новых форм политического порядка. Успешная революция заменяет слабое правительство на более сильное. Однако, политически стабильные институты являются продуктом далеко не всех революций. Непосредственные экономические результаты революции всегда негативны — требуется много времени, чтобы восстановить дореволюционный уровень производства. При этом, материальные лишения помогают ценить политические и идеологические достижения революции. Революция решает проблему идентичности — она рождает национальное или политическое сообщество равных. Общество пытается достичь однородности: равенство в формах одежды и обращений (подчеркнуто на «ты», «брат» и «товарищ»). Общество перед революцией испытывает кризис политических институтов, преобладание частных целей над общественными интересами. Она помогает обществу восстановиться, но берет за это большую плату. Хантингтон отмечает, что «*мерой успешности революции служат авторитет и стабильность институтов, которые она породила*» [1, С. 271]

Необходимо понимать, что у С. Хантингтона не было отдельной книги, посвященной проблематике революций, его теория в значительной степени содержится в одной главе «*Политического порядка...*» и по крупицам в других произведениях. Интересным и новым в подходе С. Хантингтона было введение двух моделей революции — западной и восточной, указание на отсутствие революций в демократических странах и их протекание в период модернизации. Стоит отметить, что названия моделей выбраны номинальные, так, мексиканская и русская революции относятся к западной модели, но сами модели хорошо ложатся на конкретные кейсы. Определение революции мы считаем неудачным, особенно учитывая современные кейсы — открыты вопросы скорости протекания революции, соотношения революции и насильственных действий. Заикливание на политических причинах революции, безусловно, помогает понять их роль в изменениях, однако ограничивает нас в понимании всех сторон революционного процесса.

Источники и литература

- 1) Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон; пер. С англ. В.Р. Рокитянского. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
- 2) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
- 3) Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Текст] / С. Хантингтон; пер. с англ. Л.Ю. Пантшой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.

- 4) George S. Pettee, The Process of Revolution. New York, Harper, 1938